

А. Г. Гродецкая

**ТУРГЕНЕВСКОЕ «ЗАТИШЬЕ»
В ТОЛСТОВСКОМ «ВОСКРЕСЕНИИ»
(Ситуация чтения в структуре текста)**

В широко понимаемой и широко применяемой в последние десятилетия теории интертекстуальности¹ *ситуация чтения* рассматривается как один из вариантов функционирования в тексте *чуждого слова/текста*.² Чужой текст служит «основой генерирования смыслов», задает, кодирует, прогнозирует определенный круг ассоциаций,³ или, иными словами, «межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения».⁴

В романе «Воскресение» мы имеем дело с тургеневским текстом как *чужим*, что само по себе представляет исключительный интерес, как

¹ См., например, библиографию (746 названий): *Козицкая Е. А.* Цитата, «чужое» слово, интертекст: Материалы к библиографии // *Литературный текст: Проблемы и методы исследования: Сб. науч. трудов. Тверь, 1999. Вып. 5.*

² См.: *Западов А. В.* Книга в руках литературных персонажей // *Западов А. В., Соколова Е. П.* Недочитанные строки: Книговедческие статьи и очерки. М., 1979. С. 153–240; *Альтман М. С.* Персонажи произведений Пушкина как читатели // *Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 178–181; Володина Н. В.* Герои романа И. А. Гончарова «Обрыв» как читатели // *Материалы Междунар. науч. конф. Ульяновск, 2003. С. 154–163; и др.*

³ См.: *Лотман Ю. М.* Текст в тексте [1981] // *Лотман Ю. М.* Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 148–160; *Бухаркин П. Е.* О функции цитаты в повествовательной прозе [1990] // *Бухаркин П. Е.* Риторика и смысл. СПб., 2001. С. 100–127.

⁴ *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности. Интертекст в мире текстов. 2-е изд. М., 2007. С. 12.

с точки зрения творческого диалога Толстой — Тургенев, так и с точки зрения функций цитатного элемента в толстовском тексте, очевидно не цитатном и не «литературном», в отличие, например, от признанной повышенной «литературности» текстов Достоевского (и не только Достоевского).⁵ Принадлежащее Б. М. Эйхенбауму высказывание о Толстом, писавшем так, как будто до него вообще не было литературы,⁶ позднее, варьируясь, повторялось неоднократно. В одной из недавних статей, к примеру, А. Генис отметил: «Толстой пишет так, как будто до него ничего не писали вовсе. Если роман XX века часто наполовину коллаж, наполовину критика, то „Война и мир“ поражает полным отсутствием литературных реминисценций. <...> Между тем именно в этом цель Толстого, ищущего язык самой жизни, обходящейся без посредников».⁷

Минимальное присутствие *чужого текста* у Толстого М. М. Бахтин объяснял доминированием у него внутреннего диалогизма над любым диалогом, обращенным вовне: «...слово у Толстого отличается резкой внутренней диалогичностью, причем оно диалогизировано как в предмете, так и кругозоре читателя, смысловые и экспрессивные особенности которого Толстой остро ощущает. Эти две линии диалогизации (в большинстве случаев полемически окрашенной) очень тесно сплетены в его стиле: слово у Толстого даже в самых „лирических“ выражениях и в самых „эпических“ описаниях созвучит и диссонирует (больше диссонирует) с различными моментами разноречивого социально-словесного сознания, опутывающего предмет, и в то же время полемически вторгается в предметный и ценностный кругозор читателя, стремясь поразить и разрушить апперцептивный фон его активного понимания. В этом отношении Толстой — наследник XVIII века, в особенности Руссо. Отсюда иногда происходит сужение того разноречивого социального сознания, с которым полемизирует Толстой, до сознания ближайшего современника, современника дня, а не эпохи, и вследствие этого и крайняя конкретизация диалогичности (почти всегда

⁵ См.: *Михновец Н. Г.* Прецедентные произведения и прецедентные темы в диалогах культур и времен. Место и роль прецедентных явлений в творчестве Ф. М. Достоевского: Монография. СПб., 2006. Ср.: *Кожевникова Н. А.* «Чужое слово» в романах И. С. Тургенева // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 53–61; и др.*

⁶ «Толстой идет к литературе так, как будто ее еще никогда не было...» (*Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Книга первая. Пятидесятые годы // *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 166).

⁷ *Генис А.* «Война и мир» в 21 веке // *Октябрь. 2003. № 9. С. 175.*

полемики). Поэтому-то диалогичность, столь отчетливо слышимая нами в экспрессивном облике его стиля, нуждается иногда в специальном историко-литературном комментарии: мы не знаем, с чем именно диссонирует или созвучен данный тон, а между тем это диссонирование или созвучание входит в задание стиля. Правда, такая крайняя конкретность (иногда почти фельетонная) присуща лишь второстепенным моментам, обертонам внутренней диалогичности толстовского слова.⁸

В «Воскресении» мы встречаем редкий для толстовских текстов случай именно не диссонирования, но созвучания (если использовать категории Бахтина) толстовского слова и слова тургеневского. Известно, насколько пристрастен был Толстой в художественных оценках. Среди тургеневских произведений он неизменно выделял, любя их, «Записки охотника», статью «Гамлет и Дон-Кихот», «Довольно»,⁹ обходя молчанием или же высказываясь критически о его романах. «Романы Тургенева отец ставил ниже его рассказов, — свидетельствовал С. Л. Толстой. — Помню только, что он хвалил „Затишье“, начало „Аси“, „Вешние воды“». ¹⁰ «Затишье», прочитанное Толстым в молодости, не ушло из его творческой памяти, неожиданно оно воскресает в его последнем романе.

Непросто вспомнить, что читают герои Толстого. Что читает Андрей Болконский? Или княжна Марья? Или Пьер? А это персонажи того

⁸ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 96. Собственно, о той же внутренней диалогичности писал и Эйхенбаум: «Для Толстого всякое убеждение, всякий тезис существует рядом и одновременно с его антитезисом; для него „убеждение“ стоит в одном ряду с другими проявлениями душевной жизни, всегда текучими, живущими сразу в двух, а то и в трех планах, и потому никогда не исчерпывающими себя. Отсюда — многосмысленность его семантики и многослойность его построений („параллелизм“). Смыслы Толстого существуют только в сопоставлениях — все у него осмысливается только на фоне другого, а не само по себе, и потому все складывается мозаикой. Тенденция, „догма“ служит в этой мозаике необходимым цементом — и именно потому крепко входит в самую конструкцию» (Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Книга первая. Пятидесятые годы. С. 163).

⁹ См. в известном письме Толстого к М. М. Ледерле от 25 октября 1891 г. с перечнем книг, влиявших на него в разные годы (Толстой. Т. 66. С. 67). Проблема творческих отношений Толстого и Тургенева широко освещена в исследованиях разных лет; см., например: Лоцинин Н. П. Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев (Творческие и личные отношения). Тула, 1982; Громова-Опульская Л. Д. Тургенев и Лев Толстой (История дружбы и полемики) // И. С. Тургенев и современность: Международный науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рожд. И. С. Тургенева. М., 1997. С. 11–19; и многочисленные другие.

¹⁰ Толстой С. Л. Тургенев в Ясной Поляне // Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1956. С. 302.

духовно-интеллектуального потенциала, в формировании которого книжный опыт и знание, казалось бы, должны играть едва ли не решающую роль. Е. В. Петровская, задаваясь тем же вопросом, рассмотрела последовательно ряд эпизодов, связанных в «Войне и мире» с книгой и чтением, и пришла к следующему выводу: «Отставленная, отодвинутая книга становится повторяющимся мотивом в „Войне и мире“ — эмблемой отказа от земного знания ради высшей истины. Чтение не проясняет, а затемняет жизнь или создает иллюзию прояснения. <...> Ни одна книга в „Войне и мире“ не „интимизируется“, не становится для автора или героев „своей“, событием внутренней жизни».¹¹ Исключение, уточняет автор статьи, составляет Евангелие, о котором просит умирающий князь Андрей, и Плутарх, которого читает сын Болконского Николенька в Эпilogue, однако последний — детское чтение, а *детское*, «всегда подлинное и поэтичное», «не подвергается острашению и не становится предметом авторского иронического комментария».¹²

Что читает Константин Левин, самый «автопсихологический» (Л. Я. Гинзбург) из героев Толстого? Левин читает английского физика Джона Тиндаля, его исследование о теплоте.¹³ Заметим кстати, что самый начитанный, самый «цитатный» персонаж в «Анне Карениной» — Стива Облонский, и его декламирование то Пушкина, то Фета, окрашенное иронией повествователя, предстает театральным, выдающим в персонаже склонность к фразе и поэзе.¹⁴

Всем памятен эпизод чтения Анной Карениной английского романа — в поезде по дороге из Москвы в Петербург. Анна читает английский ро-

¹¹ *Петровская Е. В.* Что читают герои Л. Н. Толстого? (Книги и чтение в «Войне и мире») // Лев Толстой и мировая литература: Материалы III Междунар. науч. конф. Тула, 2003. С. 25, 28.

¹² Там же. С. 28. В черновых редакциях романа, что отмечено Е. В. Петровской, сфера *чужого слова и чтения* шире, чем в окончательном тексте.

¹³ В 1872 г. Толстой читал книгу Тиндаля «Теплота, рассматриваемая как род движения» (СПб., 1864). См. об этом: *Орвин Д.* Почему Левин читает Тиндаля // Лев Толстой и мировая литература: Материалы V Междунар. науч. конф. Ясная Поляна, 2008. Вып. 5. С. 209–218.

¹⁴ Облонский дважды, и оба раза неточно («Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам...»), сначала в разговоре с Левиным (гл. X), затем при встрече с Вронским (гл. XVII), цитирует «Из Анакреона» Пушкина. Позднее он же произносит: «Не будь, о моралист, так строг!..», перефразируя начальную строку одного из переведенных Фетом стихотворений (из Гафиза) «Не будь, о богослов, так строг! / Не дуйся, моралист, на всех!». См.: *Бабаев Э. Г.* Комментарии // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 9. С. 481, 493.

ман, и ей хочется не читать, «ей слишком самой хотелось жить».¹⁵ Этой сцене посвящена значительная исследовательская литература, главным образом англоязычная.¹⁶ Английский семейный роман викторианской эпохи Толстой прекрасно знал, регулярно покупая и читая в оригинале, помимо Диккенса и Теккерея, — Энтони Троллопа, Джоржа Элиота (Мэри Энн Эванс), Мэри Элизабет Брэддон и других далеко не самых известных авторов.

Приходится признать, что для толстовского персонажа чтение не выполняет своей традиционной функции, не является ни способом самоидентификации, ни посредником в узнавании *другого*, в диалоге с ним. Человек Толстого — не *homo legens*, не читатель. Для толстовского человека, для его самопостроения, самопознания и самовыражения *книжное* знание не актуально, актуально, напротив, именно *некнижное* знание о мире и человеке. На этом, собственно, на очевидном приоритете жизненного знания, живой жизни строится его культурный негативизм и его общая философия жизнепонимания.

Проблема *homo legens* для толстовских текстов стоит иначе, нежели она стояла в предпушкинскую и пушкинскую эпоху, когда именно литературой формировались характер и тип поведения человека и когда, по словам Ю. М. Лотмана, «смысл живых чувств и страданий» человеку читающему *объясняли* литературные герои.¹⁷ Литературоцентризм, разумеется, не исчерпал себя конкретным временем и в разных формах продолжал существовать и позднее. Основная задача Толстого, как ее определяет в цитированной выше работе Е. В. Петровская, — «сказать о жизни последнюю правду, скрытую или искаженную „другими“», в число которых входят и литераторы-предшественники. «Истина у Толстого — за пределами книжных страниц. И это основной толстовский

¹⁵ «Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой. Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкий ножичек, усиливалась читать» (*Толстой*. Т. 18. С. 106–107).

¹⁶ См.: *Cruise E. Tracking the English Novel in Anna Karenina: Who Wrote the English Novel that Anna Reads? // Anniversary Essays on Tolstoy / Ed. by D. T. Orwin. Cambridge, 2010. P. 159–182* (здесь же — литература вопроса).

¹⁷ См.: *Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 55–56.*

парадокс: перед нами писатель, который не доверяет письменному слову». ¹⁸

И после всего сказанного... в романе «Воскресение» мы имеем пример, опровергающий выстроенную выше схему. Решусь утверждать, что это редчайший подобного рода случай в толстовской прозе. В «Воскресении» *чужой* литературный текст возникает в традиционной для русской (и европейской) романистики *ситуации чтения* и выполняет закрепленные традицией для этой ситуации функции.

В первых главах романа, когда в зале суда Нехлюдов узнает в проститутке Любке Катюшу, здесь же ретроспективно воссоздаются два эпизода его приезда в имение к тетушкам, где в первый приезд возникает молодая, невинная и чистая любовь к Катюше, а во второй — Нехлюдов соблазняет и бросает ее.

В первый приезд к тетушкам «Нехлюдов давал ей <Катюше> Достоевского и Тургенева, которых он сам только что прочел. Больше всего ей нравилось „Затишье“ Тургенева». ¹⁹ Характерно, что «Затишье» упоминается уже в самых ранних редакциях романа, а именно в 1-й законченной редакции, относящейся к 1895 году. «Воскресение», стоит напомнить, писалось в течение десяти лет, в три приема, оно было начато в 1889–1890 годах, к работе над текстом Толстой вернулся летом и осенью 1895-го и затем — только летом и осенью 1898-го, завершив роман непосредственно в гранках «Нивы» в 1899 году. Текст романа известен в восьми редакциях, двух незаконченных и шести законченных, ²⁰ его рукописи и правленные корректуры составляют 7044 листа (тогда как рукописи «Войны и мира» — 5202 листа). ²¹

Если тургеневское «Затишье», появившись в 1-й законченной редакции романа, прошло через все редакции и присутствует в тексте на всех этапах работы, то иначе обстоит дело с Достоевским. В 1-й редакции эпизод *чтения* (он существует в двух вариантах) выглядел так. Первый вариант (Нехлюдов в имении тетушек): «Нехлюдов» увидел раз, что она читает, спросил, что это было. Это был Тургенев — рассказы. Нехлюдов, любивший тогда особенно Достоевского, дал ей „Преступле-

¹⁸ Петровская Е. В. Что читают герои Л. Н. Толстого? С. 21, 28.

¹⁹ Толстой. Т. 32. С. 46.

²⁰ См. подробнее: Гудзий Н. К. История писания и печатания «Воскресения» // Толстой. Т. 33. С. 329–422.

²¹ См.: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. М., 1955. С. 370–371, 95. В действительности, с учетом оборотов листов в толстовских автографах, рукописей и корректур романа значительно больше.

ние и наказание“». ²² Второй вариант (Нехлюдов в зале суда): «Он не мог свести с нее глаз и то видел ее такую, какой она была, когда бегала в горелки, или такую, когда она рассуждала с ним про „Затишье“ Тургенева и вся волнами вспыхивала, говоря, что ей больше и делать нечего было, как утопиться...». ²³ Речь идет о Марье Павловне, героине «Затишья», бросившейся в пруд после того, как ее оставил Веретев.

Упоминание «Преступления и наказания» из окончательного текста уходит, «Затишье» — остается. Именно во время работы над 1-й законченной редакцией романа 20 июня 1895 года в Записной книжке Толстой делает запись: «Она читает Тургенева». ²⁴ То есть образ главной героини был задуман и создавался как ориентированный на тургеневских героинь, созвучный им, воспитанный чтением Тургенева. Катюше, несомненно, близок нравственный максимализм Марьи Павловны, героини «Затишья», и конкретный тургеневский текст ее характер, ее позицию и объясняет.

Что еще здесь представляется важным? Тургеневский текст конкретизирует время действия в первой части романа, точнее, в одном из временных слоев хронологически разностойного текста. «Затишье», впервые опубликованное в 1854 году, Толстой читал в купленном им трехчастном издании «Повестей и рассказов» Тургенева 1856 года. Причем показательно: издание вышло 2 ноября 1856 года, ²⁵ а уже 9 ноября Толстой отсылает «Повести и рассказы» Валерии Арсеньевой, которой был тогда увлечен, со словами: «Посылаю Вам еще повести Тургенева <...> по-моему, почти все прелестно», и особенно рекомендует «Андрея Колосова», «Затишье» и «Двух приятелей». Однако 10 ноября он записывает в Дневнике: «Прочел все повести Тургенева. Плохо». ²⁶

Реминисцентный слой в «Воскресении» развернут к прозе Толстого второй половины 1850-х годов, в романе большое количество авторе-

²² Рук. 5. Л. 45. Варианты этой редакции, не вошедшие в число выборочно опубликованных в Юбилейном издании Н. К. Гудзияем (см.: *Толстой*. Т. 33. С. 23–94), даны по рукописям, с нумерацией, соответствующей «Описанию рукописей...». О работе Гудзия над основным текстом романа и его редакциями см.: *Гродецкая А. Г.* Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (принципы, полемика, итоги) // *РЛ*. 2012. № 3. С. 70–84.

²³ *Толстой*. Т. 33. С. 57.

²⁴ Там же. Т. 53. С. 252. Здесь стоит отметить, что в окончательном тексте романа Тургенева дает читать Катюше Нехлюдов. Иначе остается неясным, откуда могли появиться рассказы Тургенева в деревне у горничной тетюшек, которые, очевидно, сами ничего не читали.

²⁵ См.: *Летопись (1818–1858)*. С. 351.

²⁶ *Толстой*. Т. 60. С. 104; Т. 47. С. 99.

минисценций,²⁷ прежде всего из «Юности», третьей части автобиографической трилогии, создававшейся в 1856–1857 годах. Не случайно воскресает в романе и Дмитрий Нехлюдов, впервые появившийся в «Отрочестве» в 1854 году, затем в «Юности» и сохранившийся в качестве центрального персонажа в «Утре помещика», написанном в 1856 году, и «Люцерне», опубликованном в 1857 году (под названием «Из записок князя Дмитрия Нехлюдова. Люцерн»).

С. И. Танееву, частому посетителю Ясной Поляны в 1890–1900 годах, Толстой в 1896 году за шахматной партией признался, что с тургеневской повестью «Затишье» «у него соединено самое приятное воспоминание. В Севастополь ему привез ее знакомый ему доктор <...>». «...Тогда, — добавляет мемуарист, — Л<ев> Н<иколаевич> не думал о литературе и повестях, и он получил большое удовольствие от чтения».²⁸ Это мемуарное свидетельство, может быть, и не вполне хронологически точно, но толстовское впечатление от чтения повести оно также относит к 1850-м годам.

Благодаря упоминанию тургеневского «Затишья», которое читают влюбленные герой и героиня, сама *ситуация чтения* воспринимается и работает как «литературная», реализующая определенный культурный код. Что, повторю, для прозы Толстого в целом не характерно. Через чтение герой и героиня получают возможность самовыражения, и через чтение происходит их эмоциональное, психологическое, эстетическое (вкусное), нравственное взаимораскрытие, взаимоузнавание и сближение. Толстой воспроизводит ситуацию, которую Ю. М. Лотман описал для литературы предромантизма и романтизма, когда «объяснение в любви происходит как обмен поэтическими цитатами».²⁹

Функционально не менее стереотипна, «литературна» и сюжетная коллизия, когда герой выступает по отношению к девушке, которой увлечен, в роли учителя. По ходу развития сюжета происходит обмен ролями, и любящая женщина (ее мир, по замечанию Ю. М. Лотмана, «наивный, но на самом деле глубокий»³⁰) становится для него учителем в школе «воспитания чувств». Именно эта метаморфоза создает основу

²⁷ Об этом см., например: *Матвеева И. Ю.* 1) Воспоминание в художественной системе романа Л. Н. Толстого «Воскресение»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002; 2) Автоцитация в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Яснополянский сборник. 2012. Тула, 2012. С. 364–378.

²⁸ Цит. по: *ПССуП(2)*. Соч. Т. 4. С. 636–637.

²⁹ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. С. 59.

³⁰ Там же. С. 57.

конфликта в тургеневских повестях и романах 1850-х годов. И не только в тургеневских. Литературный ряд здесь может быть выстроен очень широкий, включающий и «Евгения Онегина», и «Кто виноват?» Герцена, и «Обломова» (линия Ольги и Штольца) и «Обрыв» Гончарова, и «Что делать?» Чернышевского, и наконец, «Воскресение». В качестве текста, порождающего этот прецедентный сюжет³¹ (*учитель—ученица* с последующей сменой ролей), как правило, рассматривается «Новая Элоиза».³²

Для «Воскресения», безусловно, принципиальна не столько функция чтения и ее литературно-конвенциональная природа, важен сюжет «Затишья» как параллель драматической (а отчасти и мелодраматической) ситуации обманутой и отвергнутой, поруганной любви. В завязке толстовского романа «Затишье» возникает как трагическое предзнаменование этой ситуации, и название повести у Толстого сохраняет, как и в оригинале у Тургенева, тот же взрывной, «предгрозовый» характер.

Возвращаясь к *ситуации чтения*, стоит добавить, что персонажи Толстого читают повесть, главная героиня которой, Марья Павловна, не читает не только стихов, но вообще ничего не читает, причем отказывается от чтения вызывающе, демонстративно. Пушкинский «Анчар», как мы помним, первое прочитанное ею литературное произведение, производящее в ее душе переворот. Тургеневское «Затишье», таким образом, внутри толстовского текста создает своеобразно удвоенную коллизию, связанную именно с чтением.

³¹ О широко трактуемой прецедентности см. в указанной выше монографии Н. М. Михновец.

³² См.: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. С. 60; *Паперно И. А.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 81–87 (гл. «Учитель»). Именно этот культурный код и его социальный аспект имел в виду Гончаров, когда в «Обрыве» вложил в уста Райского реплику: «Я уверен, что мы подходим к катастрофе и что герой ее — русский учитель <...>. Это наши *jeunes premiers* <герои-любовники — франц.>...» (ч. 1, гл. 14; *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 96).